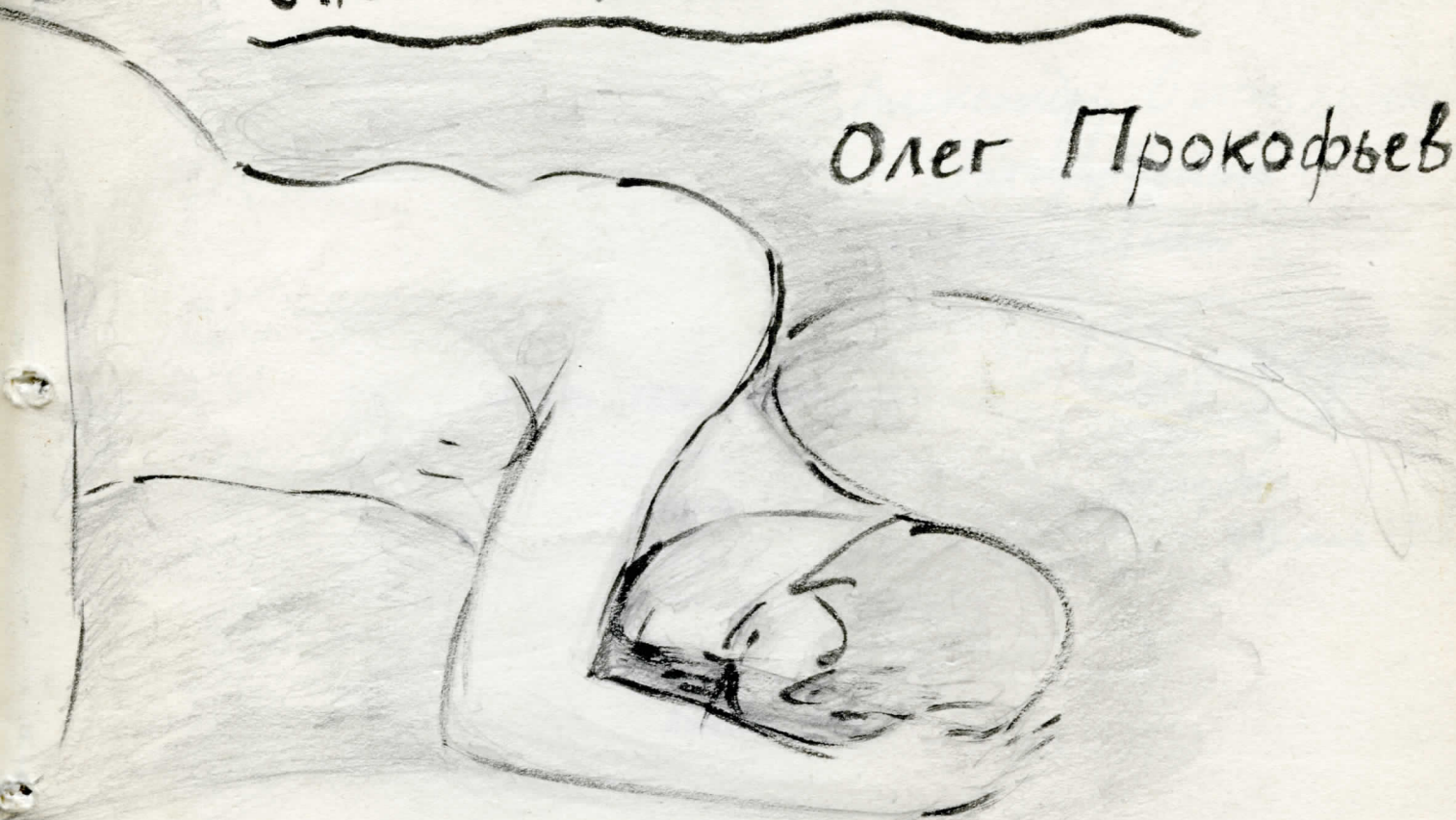

Любовь Удел Одиноких

Олег Прокофьев

Лондон 1985

ОЛЕГ

ПРОКОФЬЕВ

Александру Озеретянскому
с благодарностью
и симпатией

ЛЮБОВЬ

УДЕЛ

ОДИНОКИХ

О. Прокофьев

Лондон

30 мая 1985

Лондон 1985

говорят

краски небосклона

вышли из сердца

но откуда тогда взялась

сребристость взгляда

и дымчатость твоего лица

с млечным путем веснушек

совершенство твоего устройства
повергает меня в стыд
хотя мое собственное

тоже прекрасно
и может быть даже еще удивительнее
но вместе
они совершают чудо
которое описать нельзя

счастливы ждущие
они терпеливо трутся
о самих себя
а что останется
господь сотрет

прикосновен^{ие}~~ен~~е важнее

оно

мысленно непреодолимо

шершавость ресниц

нагрянула как забор

через него

я увидел спину событий

с неостывшим ртом прошлого

вспоминались умершие
постепенно
они вытесняли болтливую мебель

...так рад вас видеть
не знаю что спрашивать
радость убила все
и стала меньше вас
теперь торчите
подсматривайте грехи
живое противится

спешит прочь

так что прощайте
воображаемое вчера
любимое ничто

постойте
не двигайтесь
я прочту что написано у вас на носу
и на лбу
надоело
тяжбу прекращаю
судья постановил делу конец
какое облегчение
вода снова стала водой

форма корабля
вылеплена страстями волн
так и ты
выделка моих упорных взглядов
совершенство обтекаемости
смяло мое волнение

завернутое во вчера завтра
просвечивает в деталях слегка
томящая неподвижность
оброк сладости жить
сжимает челюсть дня
закат сочится по каплям
сгущает в темень тень
проснулся черный гул турбин
нора это сейчас
в ней встреча плеч
все стало узел
вздохов шевелений повторений
развяжется само собой
нальется лунным светом
чтоб лечь как яблоки

то что видишь ты
не совсем то что вижу я
слово на это есть
подобное встрече
двух кукол с глазами из шелка

кардиналы пили чифирь
булки крошили в него из булл
потом дремали в метровых митрах
друг к дружке прижимая печатки
слушали ругань сфер
за окном
розовым морозом
крепчал конец света

то что тело делает телу
душу волнует мало
но вот отвалилось одно тело
душа присосалась как вошь
взамен

где-то там далеко
за пределами моих бед
живет твоя беда
колченогая косая
над ней подушка луна
сухая и костлявая
нагромождение материй
высоких и с подкладкой
скрывающих начало
слух об отечестве бедовых звуков

лежать рискованно
ходить опаснее
пропасти подстерегают везде
неприличный кончик вечности
третья нога безногого
слепота глухих

насилие без нежности мертво
умри

смерть
без страданий
не обижайся на мою черствость
нам суждено жить вместе
а мертвые привязаны к живым
и тащят к себе

насекомые унаследуют планету
жужжащую поверхность льда
вытряхнутые сундуки душ
пропитают туманы как гарь
палящее презрением солнце
декорацией прикроет драму
за ненужностью зрителя

звезд не описать
они дрожат
как робкий наблюдатель
за право лицезреть
но за углом
большой гаситель затаился

своими скулами гранит
к атлантике приникнул
край европы
мазком туманов ограничен
то для глаз
а слух от шума волн гремит
гипербореец в воду мысли окунает
и в них он ходит нагишом
он авантюру сочиняет
и карту новую творит
из скал из вереска и мха

упавшей в море поэтессе
поэтесса погибла
где вид потрясающий был
сидела как дома

упала чужой
худшее друг плохого
влечет к себе на дно
теперь

в руинах гранита
несделанность ее мечты
торчащий из моря остов строф
и выветренных метафор дыры

бывает чудится
немые вещи что-то простонать хотят
во всем волшебный лепет слова
любовная горячка строк
насущенное в одно сплетает
в неразделимый мир стиха
но страшно мне
что все расплывется в уродство
как стройность страсти комара
которого ладонями сжимаю

мне нравится музыка сфер
в ней нету знаков препинания
гармония не спотыкается
и паузы не засорены
а то что слышится
из немоты одной
в другую переходит незаметно
поверх наброшена одежда звуков
ее слоями можно снять
начав с несносных выкриков (костюмов)
за легким шорохом(белья)
дойдя до обнаженного молчания
до тайны голой тишины

звук самолета

тень дальнего лета

голодного неба тоскливый станок

за тучами плотный звук крупы

мягкость жгучей каши

звон ведра о капли крана

паводок чувств а ля рус

а был ли на волге утес?

я мир открываю лаптей
поклоняюсь ему верх ногами
отдаюсь на питание публике
кушайте меня и ешьте
заполняйте желудки мной
все равно не переварите
не обработаете железой
симпатизирую гражданам жвачке
кланяюсь низко не глядя в рот

роза меня долго нюхала
нехотя раскрывала лепестки
наконец призналась

люблю другого

он вошел в меня как аромат
так было тысячу запаховых лет
потом он выветрился
розовый бог его знает
с кем теперь он снюхался

другая женщина
форма без ручки
извлекла меня со дна мешка
велела пыльному торчать
в акробатическом экстазе
сама же сгинула
в архив супружества
до новых раскопок

мы при детях вроде стариков
что впадают в детство
детям старости почет
старость будущего детям
мудрость титьки впрок

длинные замыкания
слипшихся кож пар змей
нежных рукавов владений
удобств берегов глубин
вытекание медленных ласк
слезинкой слезает глаз

занавески удушливых комнат
немолодые удавленники
сквознякам летучих желаний
обнажают жадный срам

настрой благородного яда
грипев запустелых времен
заевшей в царапине музыкой
застрял как каданс в зубах

здесь бродит двойник камердинер
в павильон в папильотки в роль
в притворство забытых обязанностей
в педали закрученных фраз

претензии тлеют в бархате
страсти как мебель в чехлах
играет застенчивый зайчик
в пылинки мох и тюль

полная воды
в воду летящая
распухшая от слез
капля глядит в себя
без памяти маньячка
канула в истерику реки

оттенков тишины не сосчитать
они как кирпичи стены
сомкнутых глаз рябь
мозаика царапанных ногтей
крошечных существ мольба
поверхность блеска дна
беззвучных слов

измятых лиц носатый румянец
тычется в опохмелку день
о как он кажется спрессован
он весь прерывист как дыхание
воняет трезвостью подмышек
и возвращает лицам мел

у пучины без причины
между кошкой и кукушкой
деревья играют в оркестр
щекочущих вершин кручение
отвечает пуантеллизму птиц
накрыт цветами стол полей
давайте звать и рисковать
закусывать звуками
запивать красками

твой профиль завтра
анфас вчера
а пока покажи три четверти

ветре^{ер} дует дуэт с лесом
тронул хаосно
шепнул беспредметно

ах как жаль

сорву листву лаская
сломаю сук любя

за листочек потянул

дерево скорнил

от затылка до ребер пространство огромно
где-то в груди угол
где спорит тень вещей
в нем звуки складывают жизнь
желания сливаются в город
облака беременны потоком
и светит солнце номер два

как флаг
за полосой нежной
поле желтое
с наклейкой голубой в конце
хором поднятые руки верноподанных деревьев
патриотических ворон восторг
славят холодную эру
осени струится вырождение
под флейту всепрощающей зимы

мне и кошке дано
мистическое право жить
а мертвые лица камней
с выражением застывшей лавы
вещают одно

быть это жить

быть это жить

вы бы могли возразить?

из темноты неоднократно дремы
на волю выполз чудо страх
ощупал пустоту и жжет безумно
дышет пропастью и формы чужд
в результате наблюдение
перестало мною быть
возвигся черный мир вещей
раздался ужас так велик
что показался бог игрушкой
а я как выплюнутый хаос
собой проснулся удивлен

пошли мне боже смерть из льда
чтобы застыть как радуга
потом побрызгать как роса
и в лучах взойти

в рас^{ла}пави~~а~~станной природе
ветвей плеск
солнца гранит
границат с пробуждением смысла
и пена пишет поэмы
запах доносит соль
и бриз огромных роз
со мной слагает след

слава сливам слов
символ сизых условностей
слоновых изюмин слиток
сладких слез след
лавина славянских слухов
спецов слюнявый сток

сигнал застрявший в кармане
вырван из книжки без слов
туда он попал из провала
где ветер играет в обрыв
где спрятался робко я
травинки дом благодаря

согласно ностальметрии
прорва катится по кривизне планеты
затопляя отверстие памяти
во имя коллективной скуки
укрепляет комплекс толпы
ведит в кармашек клетчатый
засунуть свой свой краковяк
и болтаться на сквозняке
между полушариями

солнечный свет крадется по
стене со скоростью минутной
стрелки я сам заметил это на
самом деле видеть даже вооруженным
до зубов глазом нельзя откусить
ни луч ни время сие чудо
только прекрасный след
а воображение зеркало

невидимые нам тигры
расходятся по своим делам
в посредственный мир забот
в дразги законов природы
раздевающих жизнь до костей
уж лучше бы пели дуэты
стихи бы писали мурлыкая
с приятной поверхностью шерсти
и блеском внимательных глаз

